

УДК [316.628+159.947]:314.7

**И.С. Метелёв, доцент, канд. экон. наук**

*Омский институт (филиал)*

*Российского государственного торгово-экономического университета*

*ул. 10 лет Октября, д. 195/18, г. Омск, Россия, 644009*

*E-mail: filomsk@rsute.ru*

## **СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРИРОДА МИГРАЦИОННОГО ОПЫТА**

*Рассматривается универсальный характер феномена «человека мигрирующего», раскрывается содержание основных понятий миграционного процесса.*

**Ключевые слова:** общество, миграция, личность, культура, жизненный мир.

В современной социально-философской литературе феномен миграционности рассматривается на основе онтологической картины мира, когда в качестве атрибутивности человеческого существования выступает homo migratio («человек мигрирующий»). Речь идет о его нахождении (месторасположении) в границах статистических и динамических обществ, исторически подвижного и оседлого опыта, географии расселения. Так, И.Т. Касавин предпринял попытку выявить основные тенденции миграционного опыта, проанализировав факторы жизнеспособности населения, взаимосвязь экологических пространств и структурность пути, транзитные онтологии путешествий, исторические магистрали миграции, рассмотрев универсальный и локальный опыт расселения [1, с. 76-79]. Все это способствует пониманию современных миграционных процессов, особенностей миграционного образа жизни в единстве социально-экономических, культурно-исторических и личностных факторов.

Проблематика «человека мигрирующего» образует специфический понятийно-проблемный комплекс как совокупность определенных понятий и категорий, методов и принципов осмысления и понимания данной проблематики, ее процессов и явлений. Перемещения людей сопряжены с миграционным опытом, миграционным существованием, миграционными установками, миграционными судьбами, миграционным поведением.

Универсальность судьбы мигранта характеризуют такого рода признания: «предложили работать в Москве, я сразу согласилась, но руководство предприятия стало понижать зарплату, потому что «я иностранка», уволиться было «делом принципа», на другой работе отказались заниматься моей регистрацией, решила вернуться в Киев, заработок здесь не ниже, но проблем точно меньше. Приведу другой вариант: из Киева в США меня увезли еще школьницей, хотелось вернуться, пожить, поработать, решила, что надо ехать в Украину, нашла работу, хотя заработки низкие, но больше всего пугало засилье бюрократии, необходима какая-нибудь справка, просто опускаются руки, совершенно не знаешь, как себя вести, и года не протянула – решила вернуться в Америку» [2, с. 1]. Подобного рода судьбы свидетельствуют, что Украина является привлекательной, прежде всего, для собственных граждан, которые вынуждены покидать страну.

Сегодня многие страны, в том числе Украина и Россия, не придерживаются жесткой миграционной политики. По этой причине география миграций их жителей достаточно разнообразна (речь в основном идет о сезонной миграции). Мы являемся свидетелями, что высокий уровень трудовой миграции сосуществует с высокими показателями старения и смертности населения, что вынуждает осуществлять репатриацию соотечественников из стран СНГ. В отношении Украины Институтом народно-хозяйственного прогнозирования РАН сделан прогноз, согласно которому нормализация жизни в этой стране приведет к увеличению миграционных потоков. Однако бояться приезжих не следует, а необходимо побеспокоиться об активном вовлечении их в жизнь страны, т.е. предоставить возможность максимально адаптироваться, «не дать сбиться в кучу» [2, с. 5].

Взросший за последнее время приток мигрантов в Россию встречает неоднозначное и противоречивое к ним отношение, что выражается в призывах к возведению «великой антимиграционной стены», и только в единичных случаях говорится о «цивилизованном обмене трудовыми мигрантами в СНГ». В.Е. Кемеров считает, что фактическое положение мигрантов отвечает «первой индивидуальной революции», которая, закрепляет их в качестве объектов манипулирования [3, с. 212, 213]. В этом случае они крайне стеснены в «развертывании своей энергии, стремлений, интересов». Исправить положение мигрантов призвана «вторая индивидуальная революция», когда они получают возможность занять законное место в социальной структуре.

Видимо, в перспективном росте происходит усреднение положения миграционного статуса и положение гражданина, когда экстенсивная социальность испытывает кризис. Намеренные попытки этизировать поведение групп мигрантов, прежде всего, в форме кодификации поведения обнаруживают существенные сложности. В понимании морали как вынесения решений в отношении полноты сущего, обратимся к авторитету М. Хайдеггера, который подчеркивает необходимость развивать этику: она «тем настойчивее понуждает к своему удовлетворению, что потерянности человека, будь то очевидная, будь

то утаиваемая, разрастается до неизмеримости. Действующий индивид может быть «приведен к надежному постоянству только через соразмерное... сосредоточение и упорядочение всего его планирования и поведения в целом» [4, с. 214]. Вместе с тем Хайдеггер акцентирует внимание на вопросе о таком характере планомерности, которая не дает повода требовать «новых жизненных пространств» в случае необходимости «обустройства соответственно более многочисленных человеческих масс» [4, с. 190]. Оценивая современную ситуацию, можно утверждать о том, что требование возведения «великой антимиграционной стены» заключает в себе актуальное социально-этическое измерение.

Рассматривая «моральное истолкование метафизики» со стороны Ф. Ницше, Хайдеггер приводит следующую этическую коллизию. Так, по отношению к неудачникам делается попытка от имени сильных «провести им благоприятные ценностные суждения». Хайдеггер воспроизводит следующее рассуждение Ф. Ницше в отношении императивов видеть людей «смирненными, прилежными, благожелательными, умеренными» – «таким вы хотите человека? Хорошего человека? Но, чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего». Очевидно, здесь немецкий философ негодует, поскольку речь идет о людях, которые не могут «от себя вводить цели», отдают «честь морали лишения самости». Относиться к людям без их различия есть форма безразличия, но принципиально «связыванию человека этическими нормами должна быть вроде посвящена вся забота», – подводит итог своим рассуждениям Хайдеггер [4, с. 214].

С современных позиций общекультурная, этикетная воспитанность предполагает изменение общеморальной обстановки в обществе. Прежде всего, нравственный смысл поведения подчеркивают необходимость взаимопонимания и солидарности. Естественно, что сегодня производительный труд включается в экономику через денежный механизм. Согласно Н. Луману, появились новые формы социального, но не межличностного взаимопроникновения – рынок и организация. Это значит, что «полного включения комплексности человека в комплексность другого не просто не нужно, а следует избегать как фактор» [5, с. 317]. Действительно, можно отметить, что сегодня работоспособность и энтузиазм не связаны с уважением к конкретному лицу, индивидуальные заслуги не означают вынесение моральных оценок. Только на основе постепенной смены форм общественной дифференциации возможно взаимоуважение. Этос народно-хозяйственного служения, как свидетельствует социально-трудовая деятельность реализуется только в абстрактно-этическом, в том числе, в нравственно-религиозном смысле. В целом координация, организация и регулирование функциональных действий не могут осуществляться на основе морали, нормы которой вызывают опасение. Но социально-этическая составляющая трудовой деятельности (шире – общественной практики) остается. Сегодня поведение мигрантов порождает напряженное общественное внимание, их нравственность воспринимается в ракурсе «должного» как дисциплинарно-нормативных правил, хотя в нравственном смысле должна заключать освободительный потенциал.

Как подчеркивает Р.Г. Апресян, общественную нравственность, или социальную этику, следует соотносить с правами человека, положениями о регистрации граждан, определенными ограничениями. Нравственное предполагает реализацию нормативных систем, регламентирующих деятельность в конкретных сферах жизни. При этом наиболее важна «мораль в действии». В конечном счете, социальная этика способствует созданию атмосферы общественного блага, солидарности и примирения, хотя рамки поведения остаются подвижными [6, с. 5].

Моральные установки, отмечает Ю. Хабермас, конечно, могут быть эмоционально окрашены, включая отвращение или страх, жалость или любовь. Если подобное поведение «полностью объективно» в отношении какого-либо человека, вы можете с ним «сразиться, но не поссориться». Более всего, необходима «наша вовлеченность в положение другого», даже «чужого-другого», соучастие в межличностных отношениях (особенно это касается обиженных) [7, с. 72]. Феноменальность человеческой обиды как несправедливо причиненного огорчения, вплоть до оскорбления, а также вызванное этим чувство «терпеть обиды» включает досадные случаи (часто отношения к трудовым мигрантам вызывают неприятный синдром «обиженности»). Нередко у мигранта появляется чувство недоверия и враждебность, вплоть до затаенной ненависти к праздного вида окружающим. Однако социально-этические предпочтения способны к нормативно-ситуационной переориентации, и сегодняшний «экономический реализм», феномен «человека по имени деньги» решают относительно все.

Социализация мигрантов как переселенцев (*migratio*) осуществляется в форме приспособительного поведения, соответствующего ожиданиям. Но история миграционных процессов демонстрирует ряд интересных и малоизученных аспектов. Так, опыт Америки свидетельствует, что многие мигранты вынуждены были заниматься определенными видами работ, что не соответствовало тем видам труда, которыми они занимались у себя на родине. «Миграция, – отмечает Э. Хьюз, – обычно означала революцию в видах и стилях работы». По его мнению, речь не идет о классических методах и принципах менеджмента. При вступлении на американский рынок труда та или иная группа мигрантов при попытках перейти с одной работы на другую подвергалась дискриминации. Однако, достигнув в своем деле определенного положения, они сами становились «дискриминаторами» по отношению к

вновь прибывающим, однако «дискриминаторами амбивалентными», проповедующими социальную доктрину равных возможностей [8, с.74]. Но что конкретно может означать «революция в стилях работы»? На наш взгляд, это понятие используется американским социологом для характеристики стилей работы со стороны людей, лишившихся традиционных для них принципов организационной деятельности. С другой стороны, речь может идти о проявлении позитивных элементов труда, отличающихся результативностью и эффективностью.

Огромную роль приобретает стандартизация труда, появление людей «формирующих», «шлифующих», «прессующих». Это позволяет мигрантам передавать накопленный ими опыт и «самих себя». Преобладание таких мигрантов способствует возникновению региональных и национальных анклавов. Не случайно в начале XX века Чикаго был одним из самых крупных «польских» и «немецких» городов, не говоря уже о наличии в нем представителей других национальностей.

Как это все может проявиться в современной России? Прежде всего, нам не угрожает стилевая определенность в характере и содержании труда новых этнических групп. Сравнивая заселение мигрантами Америки, стилевой опыт трудовых мигрантов в российских условиях, в целом воспринимается как негативный, особенно если учитывать полулегальное существование многих из них. Исключение могут составить первые иностранные специалисты 70 – 80 гг. XX в.в., которые были заняты на передовых производствах или использованы их в послевоенное время на оборонных предприятиях, а также на специальных строительных площадках.

Рассмотрим эту проблему более широко на примере анализа зарубежной и отечественной трудовой практики. К примеру, работа современных китайских специалистов демонстрирует отличительные особенности их труда. Речь идет о сообществе работников, которое использует новые стили и способы работы, а также определенные правила производственного поведения. Исполнители работ оказываются связанными единым планом и целью, при этом допускается стилевая разнородность трудовых ориентаций и проявление «инженерного духа». В этом случае трудовая инженерия включает видимую и невидимую части (в первом случае речь идет о порядке работ, правилах управления, трудовой дисциплине и нормах контроля, а во втором – о компонентах духовного порядка, идеологической нормативности. Последние факторы способны глубоко проникать в производство в виде «стиля», «духа», когда каждое звено трудовых действий, их невидимость («метафизичность») имеет статус не малозначимого, а напротив, определяющий культуру труда. Следует отметить, что подобная трудовая деятельность традиционно сочетается со скрупулезностью, кропотливостью, бережливостью китайских специалистов и в целом является духовным содержанием их деятельности.

В отношении трудовых мигрантов в России следует добиваться соблюдения ими общих правил умения себя вести, которые предполагают, во-первых, проявления механической или «заученной» моральности в виде элементарного приветствия, знаков внимания, во-вторых, стереотипную моральность, как соблюдение общепринятых норм поведения, наконец, убежденную моральность, как достижение внутреннего понимания нравственных принципов и идеалов, ценностных ориентаций. Такой поурочный поведенческий план сопрягается с миром нравов как устойчивых культурно-психологических установок вследствие влияния окружающей среды (нравы окраин, больших городов, специфика профессий, этнической среды, мест проживания).

В отношениях трудового мигранта с окружающей средой можно выделить следующие варианты: человек либо полностью покидает «материнскую среду», либо остается в ее пределах, частично усваивая ценности новой среды и сочетая их с традиционной для него обстановкой. В последнем случае он может усвоить новые для себя ценности, но это не проходит для него «бесследно». Мигрирующий субъект как бы находится на границе двух миров, и по статусу его можно приравнять к маргиналу как человеку «окараины», которому нет места в «нашем» социуме.

В отношении маргинального статуса личности можно отметить универсальную коллизию: изменяющиеся общества плюралистичны, и человек оказывается перед лицом «эталонных групп», когда ему сложно интегрироваться. Именно отсюда берет начало понятие «маргинального человека». Это люди, которые находятся на границе между двумя или несколькими мирами, но не принимаются ни одним из них как «полноправные участники». В данном случае человек-мигрант сомневается в своей ценности, ощущает неопределенность связей с прежними и новыми друзьями и боится быть отвергнутым. Его, как правило, посещает чувство одиночества и одновременно излишнее беспокойство о будущем, боязнь предпринимать рискованное предприятие и убежденность в том, что с ним несправедливо обращаются. В ряде случаев трудовой мигрант становится «специалистом» в тех областях, в которых можно использовать необычность его положения (врач особой ориентации, узкий специалист по ряду прикладных предметов, эксперт нетрадиционных проектов и т.д.). Но это не отменяет того обстоятельства, что обладающие маргинальным статусом лица сталкиваются с трудностями при формировании моральных суждений. Мигранты пытаются защитить и оправдать свои действия, но их постоянно не «покидает чувство вины». В лучшем случае человек уходит в «свои дела» и

оставляет свое беспокойство в перспективных начинаниях (одновременно пытается освободить себя от ответственности за то, что он неправильно сделал.

Можно ли считать, что мигранты как особая социальная группа имеют собственную мораль? Вынужденность ситуации считаться с корпоративно-трудовым статусом противоречиво соотносится с принципом служения человеку. Как в целом, так и в отношении современной миграции неправомерно говорить о труде как потребности, радости и вдохновения. Другое дело могут появляться предписания поведения и оценки общественного мнения в отношении производственно-технологической деятельности, внешнего облика, соответствия общепринятым нормам традиционного поведения, что должно побуждать менеджеров прибегать к продуманной регламентации, разработке специальных правил поведения мигрантов как важных элементов трудового механизма.

Творческий характер деятельности объективно обусловлен материально-техническими возможностями, которые предоставляют производительные силы. Так, индустриальная техника значительно расширяет ограниченные в прошлом возможности человека и, в конечном счете, удовлетворяет его потребности. Но и сегодня отсутствует уникальность творческого трудового акта, который бы подчеркивал необходимость «работать» на эстетическое качество вещи.

Сегодня новый миграционный опыт можно представить если не как «революцию», то как несовпадение (рассогласовывание) межкультурных отношений. Существенным является различие позиций восприятия труда: я знаю, что вы делаете правильно; мне нравится, как вы работаете. Помимо взаимовлияния, вовлеченности, динамичности обмена информацией, переживаниями, эмоциональными состояниями, следует разделять этику трудовой деятельности – внутренняя регуляция на основе активности, норм, интегративности, эстетическую сторону внешних моментов – подтянутость, порядок, привычки, этикетные формы, а также эстетику внутренних моментов – творческая наполненность, мажорный тон, коммуникативный стиль отношений. В результате развивается тенденция объективации как результат разделения труда и специализации различных сфер жизнедеятельности, вплоть до культуры окружающей среды. В свое время Г.Зиммель предполагал грандиозную картину «затвердения», «кристаллизации» того, что возникает в общей культуре труда и объективного духа по отношению к потребностям человека, в конечном счете, производителям культуры в саморазвитии и самореализации жизни [9, с. 39].

С точки зрения современной этики существенными являются позиции перераспределения «универсальной нормативности другого» как позитивный ответ на «вызов нормативности», что предполагает конкретное признание других и необходимость заботы о них как необходимость встречи «лицом к лицу». В частности, это важно иметь в виду мигрантам, представляющими иные традиции. Они должны понимать, что признание другого, ориентация на его жизненный мир, позволяет адекватно понимать самих себя.

Абстрактно-эгоистический смысл формулы «каждый получает по своим заслугам» особенно по отношению к тем, кто оказывается в трудном положении, в конечном счете, предстает как выражение неравенства. Моральный фактор должен выступать определителем связи объекта с тем, что нужно человеку и в чем он заинтересован. Речь может идти об ориентации в социуме на уровне житейского обыденного опыта, который постигается, по выражению Гегеля, «в-себе-и-для-себя-бытии». Но это должна быть рационально осознанная основа культуры повседневного поведения мигрантов, усвоение ими правил приличия, манер, очерчивающих типичные для общества моральные ситуации и формы общения. Как справедливо отмечают Ю.А.Бабинов и А.А.Чемшит, возможность распоряжаться собственной жизнью, потребность в свободе следует понимать «как легализованные способности лица, участника правовых отношений: обладать правами и обязанностями, самостоятельно осуществлять их и нести юридическую ответственность. Причем, понятие «лицо» охватывает как индивидов, так и оформленные их объединения [10, с.133]. На этой универсально-человеческой основе перспективно следует развивать миграционный опыт.

#### **Библиографический список использованной литературы**

1. Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности / И.Т. Касавин // Вопросы философии. — 1997. — № 7. — С. 76–79.
2. Журавель П. Трудовая миграция на Украине, 17.08.2008 // [http://www.hrmonitor.ru/index.php?theme=5&pname=news&news\\_id=896](http://www.hrmonitor.ru/index.php?theme=5&pname=news&news_id=896).
3. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию / В.Е. Кемеров. — М.: Академический Проект, 2001. — 354 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1995. — 257 с.
5. Луман Н. Социальные системы / Н. Луман. — СПб.: Наука, 2007. — 251 с.
6. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. — 2006. — № 5. — С.5.

7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас — СПб.: Наука, 2006. — 298 с.
8. Хьюз Э. Работа и досуг / Э. Хьюз // Американская социология. — М.: Прогресс, 1972. — С. 74.
9. Зиммель Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель. — Петроград: Начатки знаний, 1923. — 146 с.
10. Бабинов Ю.А. Гражданское общество и демократия участия / Ю.А. Бабинов, А.А. Чемшит, В.Ф. Шрейдер. — Севастополь: СевНТУ, 2006. —

*Поступила в редакцию 21.03.2011 г.*

**Метельов І.С. Соціальна і індивідуальна природа міграційного досвіду**

Розглядається універсальний характер феномену «людини, яка мігрує», розкривається зміст основних понять міграційного процесу.

**Ключові слова:** суспільство, міграція, особистість, культура, життєвий світ.

**Metelev I.S. The social and individual nature of the migration experience (comparative Analysis of Russia and Ukraine)**

Author examines the universal phenomenon of "human migratory" interpretation of the basic concepts of the migration process. The article focuses on the systematic analysis of the factors of migration, a comparative study of the migration of human existence in social systems.

**Keywords:** society, migration, identity, culture, life-world.